

В. Е. Добровольская

РУССКИЕ СКАЗКИ КАРЕЛИИ В КОНТЕКСТЕ
РУССКОЙ СКАЗОЧНОЙ ТРАДИЦИИ НА ПРИМЕРЕ
СЮЖЕТНОГО ТИПА 709 «ВОЛШЕБНОЕ ЗЕРКАЛЬЦЕ»
(«МЕРТВАЯ ЦАРЕВНА»)

Резюме

Сюжет 709 относится к ядру восточнославянских сказок. Сказки данного сюжетного типа из классических сборников XIX — начала XX в. не испытывали на себе влияние пушкинского текста. Лишь в нескольких текстах на уровне предметного мира можно отметить сходство со сказкой А. С. Пушкина. Несмотря на широкую известность пушкинской сказки, до середины 50-х гг. XX в. литературный текст не оказывал существенного влияния на фольклорную традицию. Однако во второй половине XX в., после выхода в 1951 г. мультфильма, снятого по пушкинской сказке, влияние литературного текста на фольклорную традицию стало заметным. Наиболее показательные материалы такого влияния зафиксированы в записях русских сказок Карелии. Здесь был зафиксирован ряд прозаических пересказов текста Пушкина. В то же время параллельно с пересказами литературного источника продолжают существовать и фольклорные версии сюжета. Нельзя не отметить, что данный сюжет в значительной степени стимулировал сказочников на импровизацию в рамках традиции. Именно этим можно объяснить существование устойчивых контаминаций сюжетных типов 709 и 883, а также создание на основе сюжета о мертвой царевне развернутых авантурных повествований.

Ключевые слова: волшебная сказка, фольклор и литература, фольклоризм, фольклорная сказка, авторская сказка

RUSSIAN FAIRY TALES FROM KARELIA
IN THE CONTEXT OF THE RUSSIAN FAIRY-TALE
TRADITION: THE CASE OF THE PLOT TYPE 709,
THE MAGIC MIRROR (DEAD PRINCESS)

Abstract

The plot type 709 belongs to the core of East Slavic fairy tales. Tales of this type from classic collections of the 19th and early 20th centuries were not influenced by the Pushkin's text. Only few texts have some details similar to those of Pushkin's fairy tale. Despite its wide popularity, Pushkin's literary text did not significantly affect the oral tradition until the mid-1950s. But in the second half of the twentieth century, after the release in 1951 of the animated film based on the Pushkin's fairy tale, the influence of the literary text on the oral tradition became noticeable. The most significant examples of this influence are found in the records of Russian fairy tales from Karelia. A number of oral prose renderings of Pushkin's text were recorded there. At the same time, along with renderings of the literary source, original oral versions of the plot continue to exist. It should be noted that this plot has largely stimulated storytellers to improvise within the traditional framework. This can explain the existence of stable contaminations of plot types 709 and 883, as well as the emergence of elaborate adventure narratives based on the *dead princess* plot.

Keywords: fairy tale, folklore and literature, folklorism, oral fairy tale, literary fairy tale

DOI 10.31860/2712-7591-2020-2-27-47

Сюжет 709 относится к ядру восточнославянских сказок. Согласно сравнительному указателю сюжетов [Сравнительный указатель сюжетов]¹, русских вариантов было зафиксировано двадцать семь. Только один из них — текст, приведенный в сборнике Н. Е. Ончукова [Ончуков, № 154], — записан в Петрозаводском уезде Олонецкой губернии учителем села Муромли Д. Георгиевским и относится к русским сказкам Карелии.

Совершенно очевидно, что в указателе, опубликованном в 1979 г., отмечены не все существующие записи того или иного сюжетного типа сказок. Об этом свидетельствуют исследования последних лет. Так, например, А. И. Бер-Глинкой были изданы материалы, расширяющие представление о бытовании у восточных славян сюжета СУС 672 «Корона змеи» и СУС 673 «Мясо змеи» [Бер-Глинка, с. 125–139]. Изменили представление о функционировании сюжетного типа СУС 425 М в русской традиции статьи В. Е. Добровольской [Добровольская, 2015а; Добровольская, 2015b; Доб-

---

¹ Далее номера сюжетов приводятся по данному изданию с условным обозначением СУС.

ровольская, 2016а; Добровольская, 2016b; Добровольская, 2017а; Добровольская, 2017b], публикации В. В. Запорожец и Л. Г. Каяниди [Запорожец, с. 8; Каяниди, с. 34–37]. Работы А. С. Лызловой и В. Е. Добровольской позволили уточнить состав корпуса сказок о чудесном супруге [Добровольская, 2017с; Добровольская, 2018а; Добровольская, 2018b; Добровольская, 2019; Лызлова, 2013; Лызлова, 2017].

Такие не зафиксированные в указателе тексты находятся и в НА КарНЦ РАН. Они представляют собой русские сказки Карелии, относящиеся к сюжетному типу СУС 709.

В НА КарНЦ РАН в заонежских материалах отмечены шесть записей сюжетного типа 709 [Сказки Заонежья, с. 241]. Одна из них опубликована [Сказки Заонежья, № 58]. Текстов, записанных в Карельском Поморье, четыре [Русские сказки Карельского Поморья, с. 413]. Четырнадцать текстов сюжетного типа 709 записаны в Пудожье [Русские народные сказки Пудожского края, с. 356]. До 2013 г. ни один из них не был опубликован, и лишь в настоящее время опубликованы два водлозерских текста [Сказки Водлозерья, № 12, 67].

Помимо материалов из НА КарНЦ РАН М. Г. Бабалык опубликовала материалы Н. Н. Барт, записанные ею в 80-х гг. XIX в. в д. Ужесельга от А. А. Лябегина. Среди них есть текст на сюжет 709 [Бабалык, с. 97–100]. Таким образом, на территории Карелии, по предварительным данным, записано двадцать шесть текстов², то есть столько же, сколько зафиксировано в СУС для всей русской традиции.

Размеры статьи не позволяют подробно проанализировать все тексты, записанные в Карелии, и мы будем анализировать только опубликованные тексты — как наиболее полные и оригинальные.

* * *

Согласно указателю Х.-Й. Утера [Uther], сюжетный тип 709 широко распространен у большинства народов Европы и Азии. Его европейская версия известна преимущественно по сказке братьев Grimm «Белоснежка» [Эленбергская рукопись, № 43], а русский вариант преимущественно знают по литературной версии данного сюжета — «Сказке о мертвой царевне и семи богатырях» А. С. Пушкина.

Однако публикации фольклорных текстов и архивные материалы убедительно доказывают наличие фольклорных вариантов данного сюжетного типа.

---

² Текст из сборника Н. Е. Ончукова, публикация М. Г. Бабалык и 24 архивных записи.

Среди исследователей нет единого мнения относительно источника пушкинского текста [Азадовский, 1938а; Андреев; Бадестова, Попова; Волков; Дударева; Зуева, 1989; Зуева, 1999; Иванова; Колесницкая; Миллер; Пелисов; Розов; Соколова; Соколов; Фин; Чаплыгина; Чернышев, с. 278–287]. Некоторые из них склоняются к тому, что пушкинский текст восходит к устным вариантам данной сказки, другие, напротив, полагают, что именно устные варианты восходят к тексту Пушкина. Однако вряд ли можно безоговорочно принять ту или иную точку зрения. И прежде всего потому, что пушкинский текст отнюдь не первый вариант данного сюжета в русской сказочной традиции.

Первой фиксацией сказки на сюжет 709 является публикация в сборнике «Старая погудка на новый лад» [Старая погудка, часть 2, с. 87–96], который вышел в свет в 1795 г. Данный сборник рассматривается как литературный источник для лубочных сказок, а, следовательно, и для более поздних устных вариантов [Новиков, с. 34–35]. «Старая погудка...» значится в описи книг библиотеки Пушкина [Модзалевский, № 367]. И скорее всего, с этим текстом поэт был знаком.

В данном варианте нет чудесного зеркала. Мачеха героини расхваливает свою красоту, сидя у окна, и ее слова являются своеобразным ответом на просьбу старичков-келейничков о милостыни, с которой они обращаются к падчерице: «Между тем старички-келейнички хаживали из другого королевства в дом их просить милостыню и, подойдя к окну, говорили: „Матушка Ольга Прекрасная, сотвори нам свою милостиньку“. Мачеха... говорила: „Я хороша, я пригожа, я вам подам милостыню“. Но старички-келейнички отвечали ей: „Хотя ты хороша и пригожа, однако же Ольга Прекрасная гораздо лучше тебя“». Такая оценка вызывает у мачехи желание избавиться от падчерицы, и она велит опохмелить ее сонным порошком, вывезти в чистое поле, «вынуть из нее сердце и отрубить мизинец». Слуга жалеет девушку, плачет над ней, от его слез она просыпается и соглашается умереть. Чтобы слуга не боялся, она сама отрубает себе палец, но слуга «удивился великодушию молодой девицы» и убил собаку, сердце которой и принес мачехе. Девушка, оставленная в поле, долго шла и набрела на дом, в котором был очень большой беспорядок. Героиня все убрала и спряталась за печку. Хозяевами дома оказались охотники, которые назвали девушку сестрой. Ольга стала жить у братьев-охотников, и однажды к ней пришли старички-келейнички. От них героиня узнала, что ее мачеха жива, и послала ей в подарок пирог. Мачеха в ответ отправила девушке сорочку, надев которую героиня «вдруг обмерла». Братья-охотники делают названной сестре хрустальную гробницу, которую устанавливают на мраморных столбах посреди двора. Когда юноши дотраги-

ваются до сорочки, они тоже умирают. Девушку в хрустальном гробу находит королевский сын, но не целует героиню (что соответствует сюжетной схеме европейских сказок данного типа) и не разбивает гроб, бросившись на него (что соответствует сюжету сказки Пушкина), а увозит ее во дворец и прячет у себя в комнате, где каждое утро плачет над девушкой, сожалея, «что такой цвет красоты заблек рано». Мать королевича решает похоронить девушку и снимает с нее сорочку, после чего девушка оживает и королевич женится на ней.

Как видим, в данном варианте нет ни отравленного яблока, ни зеркала, ни поиска царевны с помощью природных стихий. Есть хрустальный гроб, но не в пещере, а во дворе дома братьев-охотников. То есть данный текст со сказкой Пушкина расходится.

Следующей по времени записью является конспект сказки, сделанный Пушкиным: «Царевна заблудилась в лесу. Находит дом пустой и убирает его. 12 братьев приезжают: ах, говорят, тут был кто-то, али мужчина, али женщина, коли мужчина будь нам отец родной али брат названой; коли женщина будь нам мать али сестра... Сие братья враждуют с другими 12 богатырями; уезжая они оставляют сестре платок, сапог и шапку — если кровью нальются, то не жди нас. Приезжая назад спят они сном богатырским; 1) раз — 12 дней, 2) — 24; 3) — 31. Противники приезжают и пируют. Она подносит им сонных капель... и проч.

Мачеха ее приходит в лес под видом нищенки — собаки ходят на цепях и не подпускают ее. Она дарит царевне рубашку, которую та надев умирает. Братья хоронят ее в гробнице, натянутой золотыми цепями к двум соснам. Царевич влюбляется в ее труп и проч.» [Пушкин, с. 413].

Сюжет 709 в данном конспекте опознается. Но этот текст существенно отличается от публикации в «Старой погудке...», и можно уверенно говорить, что запись соответствует какому-то другому источнику.

В тексте имеются детали, которых нет в большинстве других известных вариантов данного сюжетного типа. Особый интерес вызывает мотив *12 противников братьев-богатырей*. М. К. Азадовский считал, что «рассказ осложнен эпизодом, совершенно чуждым данному сюжету» [Азадовский, 1938b, с. 77], а Н. В. Новиков отмечал, что такой эпизод в сказках данного типа отсутствует [Новиков, с. 358]. В статье Л. А. Курышевой делается вывод о том, что единственным произведением, в котором имеется мотив противника, появляющегося в доме уснувших братьев-богатырей, и его смерти от «вареных цветов», данных ему царевной, является рукописная «Повесть о некоем царе и дочери его». Именно в этом произведении царевна опаивает трехголового змея, противника двенадцати богатырей, «вливая

в челюсти его» вареные цветы, отчего «Он же, триглавый, нача зияти, и потом нача его рвати на малые части» [Курышева, с. 140–151].

Однако при анализе вариантов сказки 709 находится текст, в котором появляется мотив противника богатырей. В тексте из сборника «Русские сказки и песни в Сибири» [Русские сказки и песни в Сибири, № 40] героиня попадает в дом семи братьев, которые ездят «с семиголовым змеем сражаться, золотую гору делить». Когда братья уходят спать, героиня открывает амбар и распечатывает бочки с вином. Змей прилетает в амбар, «выпил все сорок бочек вина и пьяный не может подняться». Воспользовавшись его беспомощным состоянием, милая девушка отрубает ему все семь голов и разрубает обезглавленное туловище на множество кусочков. Таким образом, на основании конспекта Пушкина и сибирской записи можно говорить о том, что существовала еще одна версия сюжетного типа 709, в которой был мотив убийства противника богатырей героиней. Можно предположить, что Пушкин услышал и законспектировал вариант именно такой версии, но, создавая свою сказку, использовал и другие источники. А вот на устный вариант этой версии, записанный в Сибири, могла повлиять и «Повесть о некоем царе и дочери его». Но вполне возможно, что у сибирской сказки и рукописной повести был общий источник и они сформировались без влияния друг на друга.

Следующими по времени являются тексты из сборника Афанасьева [Афанасьев, № 210, 211]. Один из них (№ 210) представляет собой редкий белорусский вариант данного сюжетного типа. Для нас же особый интерес представляет второй текст. Он является контаминацией сюжетов 709 и 883А («Оклеветанная девушка»). Значительная часть более поздних вариантов сказок рассматриваемого нами сюжетного типа представляет собой именно такое соединение сюжетов. Та часть повествования, которая соответствует типу 709, во многом традиционна. Девушка оказывается в лесном тереме богатырей, мачеха смотрится в зеркало и узнает о жизни падчерицы. Есть хрустальный гроб, есть царевич. Однако отравлена девушка не яблоком, а волшебным волосом, вплетенным ей в косу. И к жизни ее возвращает расчесывание волос, во время которого умертвляющий волос из косы удаляется. Отметим, что в этом тексте девушку пытаются убить несколько раз: мачеха посылала злую старуху к падчерице сначала с колечком, а потом с лентой. И такая тройная попытка убийства вполне типична для восточнославянской, прежде всего русской, версии сюжета. Под действием волшебных предметов девушка падает мертвой, но богатыри снимают колечко или выплетают ленточку из волос, и дева оживает. В третий раз они не смогли найти «источник» смерти героини и похоронили девушку. Как и в большин-

стве вариантов, царевич случайно во время охоты находит гроб с красавицей, а не целенаправленно ищет свою суженую, как корольевич Елисей у Пушкина.

Два текста опубликованы в сборнике Худякова [Худяков, № 16, 90]. В первом тексте (№ 16) несчастная девушка становится крестной сестрой атамана разбойников. Её отец случайно попадает в терем разбойников. Его радостно привечают, дарят подарки, и начинается обмен дарами между девушкой и мачехой. Если подарки падчерицы богаты и разнообразны, то мачеха передает девушке рубашку, в которую «защиты спящие зелья». Именно они приводят к тому, что героиня «обмирает». Красавицу кладут в хрустальный гроб, который находит молодой помещик. Мать молодого человека догадывается снять с красавицы рубашку, и та оживает.

Второй текст [Худяков, № 90] представляет собой уже упомянутую контаминацию с типом «Оклеветанная девушка». Девушка попадает в дом двенадцати богатырей, найденная ее дядей-клеветником волшебница умерщвляет героиню с помощью кольца. Есть гробница на двенадцати цепях, есть царевич, который увозит хрустальный гроб к себе во дворец, есть его родители, которые во время отлучки сына решают похоронить красавицу. К счастью для влюбленных, у царя оказались вороватые слуги: «пришли девушки ее обмыть; одна девушка польстилась, сняла с нее кольцо», после чего героиня ожила.

Как видим, в этих вариантах нет волшебного зеркала и отравленного яблока.

Такая же вороватая служанка (в данном варианте прачка) невольно спасает девушку из сказки, опубликованной в сборнике Д. К. Зеленина «Великорусские сказки Пермской губернии» [Зеленин, Пермь, № 44], где отравление также происходит с помощью кольца. Эта сказка интересна тем, что в ней мачеха ведет диалог о своей внешности, но не с зеркалом, а с Зарей: «Заря хороша, а я еще лучше», — на что Заря отвечает: «Елена Красота еще лучше тебя».

Необычный вариант сказки был записан от Абрама Новопольцева. Он опубликован в сборнике Д. Н. Садовникова [Садовников, № 17]. Текст представляет собой упомянутую выше контаминацию двух сюжетных типов. В роли гонителя героини выступает ее любвеобильный дядя. Он клеветает на девушку, отец велит сыну ее убить, но брат жалеет сестру и велит ей бежать из дому. После долгих скитаний красавица попадает в дом разбойников. Когда дядя узнает о том, что его племянница жива и живет в лесу у разбойников, он решает убить девушку при помощи колдовства. Он находит колдунью, получает от нее рубашку и приносит ее племяннице. Наивная

девушка, надев ее, умирает. Естественно, в тексте появляется необычный гроб: «гроб серебряный, крышечку золотом убили». Этот гроб подвесили на «превелечающих четыре столба». Появляется в этом тексте и еще один традиционный для восточнославянских сказок мотив — смерть братьев-разбойников: «Зарядили все ружья и убили все сами себя. Вся их жисть кончилась». Девушку находит царский сын, привозит к себе, его родители велят «мертвого человека (...) придать земле». При подготовке к похоронам девушку хотят обмыть, снимают с нее старую одежду, и она оживает. Сюжет насыщен разнообразными деталями, но ни зеркала, ни яблока в этом варианте нет.

Тексты на сюжет 709 привлекали внимание сказочников возможностью насыщать текст необычными подробностями, совершенно не свойственными сказке. Так, в тексте из сборника «Материалов по изучению народов и племен Кавказа» [Кавказ, с. 111—118] появляется множество необычных деталей, принадлежащих скорее готическому роману, чем русской сказке. Прежде всего, оклеветанной оказывается мать, а не сестра героя. Сын вместо матери решает убить сестру. Для этого он сажает сестру на «корабль-самоход», завозит на «незнакомый остров» и оставляет ее там. Отец героини думает, что сын убил мать, сокрушается о своем поступке и решает «достать дорогих заморских капель, таких, что если выпить их, все забудешь, что когда-либо было с тобою, выпил, да еще прибавил сонных капель немного и успокоился: уснул так крепко, что пробудился только дома». Дома он увидел жену и стал с ней жить «как ни в чем ни бывало, забыл даже, что у него была дочь». А дочь купца находит на острове дом, где живут «двенадцать братьев-младцев, двенадцать разбойников», для которых девушка стала названной сестрицей. Молодцы принимают присягу убить себя, если с ней что-то случится. Мать героини узнает, что дочь жива, и решает, что «неровен час, пожалуй, явится домой, все отцу расскажет, а тот вспомнит прошлое, и мне тогда несдобровать», поэтому женщина принимает решение «дочь извести». Она отправляет на остров старуху, которая относит девушке платье. Если его на себя «надеть, то сейчас же умереть». Девушка надевает платье и умирает, оставшийся с ней разбойник выполняет клятву и убивает себя. Братья-разбойники, увидев мертвую девушку и брата, решают похоронить их и убить себя. Они кладут героиню в «дубовый гроб, дубовый гроб вложили в другой, железный, а железный — в золотой, отнесли гроб на высокую гору и привязали к самой верхушке большого дерева». Сами же они вырыли во дворе своего дома глубокую яму, положили туда заколовшего брата, «вошли сами, закопались, и все умерли». На остров на охоту приезжает царевич, находит красавицу и перевозит гроб с ее телом к себе

в покои. Царь, увидев красавицу в гробу, велит ее похоронить, в процессе подготовки к похоронам с девушки снимают платье, и она оживает. Кажется бы, сюжет исчерпан, но в данном варианте он имеет продолжение. Героиня просит мужа отвезти ее к двенадцати братьям. Увидев их мертвыми, девушка просит их оживить с помощью живой воды. Царевич достает живую воду, героиня оживляет младшего брата-разбойника, и тот, выполняя вторую клятву «убивать любого мужчину, который окажется рядом с сестрой», убивает царского сына. Купеческая дочь «хватила живой воды, хотела оживить своего мужа — нет, всю разлила в суматохе». Разбойник отправляется за живой водой, забирает с собой голову царевича и оживляет ее, и «она стала говорить». Однако пока разбойник оживлял голову, пропало тело царевича, его утащил «не то зверь, не то птица». Сестрица отправляет брата-разбойника искать тело, а голова велит «перебить всех зверей на острове», чтобы проверить, не осталось ли у них внутри кусочка тела. Когда кусочков тела не находится, разбойник решает жениться на купеческой дочери, которая, в свою очередь, подумала, что «царевича мне уже больше, верно, не видать в живых, а это разбойник лицом даже красивее моего мужа-царевича». Она соглашается на замужество, а «голову царевича оставила при себе». Несмотря на множество дополнительных сюжетных ходов и обилие не свойственных сказке деталей, в данном тексте легко опознается сюжетный тип 709. Однако в нем нет ни чудесного зеркала, ни отравленного яблока.

Нет зеркала и яблока в двух вариантах из упомянутого выше сборника «Сказок и песен в Сибири», в двух вариантах из сборника «Великорусских сказок Вятской губернии» Д. К. Зеленина и в двух вариантах из сборника братьев Ю. и Б. Соколовых [Русские сказки и песни в Сибири, № 40, 46; Зеленин, Вятка, № 90, 116; Соколовы, № 76, 97].

Волшебное зеркало встречаем в сборнике Н. Е. Ончукова [Ончуков, № 154]. В данном варианте есть даже мотив разбиения зеркала от злости, но умерщвление героини происходит не от яблока, а от кольца. Третий вариант, в котором также имеется зеркало, — это сказка из сборника В. И. Чернышева «Сказки и легенды пушкинских мест» [Чернышев, № 30]. Именно в этом варианте присутствуют диалоги с зеркалом, вопросы о местонахождении падчерицы и т. д. И только тут в качестве третьего предмета, с помощью которого умерщвляют девушку, появляется «яблока шматок», но он не умерщвляет девушку, а превращает ее в лисицу.

Как видно из анализа текстов, полных аналогий с пушкинской версией в классических сказочных сборниках нет. Наиболее близкими по предметному ряду оказались три сказки из сборников А. Н. Афанасьева, Н. Е. Ончукова и В. И. Чернышева. В них есть говорящее зеркало, а у В. И. Черныше-

ва — и отравленное яблоко. Но даже эти три сюжета далеки от канонической сюжетной схемы пушкинской «Сказки о мертвой царевне...».

Помимо текста из сборника Н. Е. Ончукова существует еще одна ранняя запись сказки сюжетного типа 709, сделанная в Карелии. Это текст из записей Н. Н. Барт (между 1880 и 1883 гг.) [Бабалык, с. 97—100]. Он представляет собой традиционную контаминацию сюжетных типов 709 и 883А. Оклеветанная попом девушка скрывается в лесу от гнева отца. Она находит дом, где живут три молодца, и остается там. Поп нанимает Бабу-Ягу, которая приносит в дом братьев заколдованное кольцо, и девушка, надев его, умирает. Девушку кладут в гроб, материал которого не назван. Братья строят каланчу, заносят туда гроб и бросаются вниз. Царевич находит гроб, увозит его в свои покои, где мудрая мать снимает кольцо с пальца девушки, и та оживает. Играется свадьба, и молодые отправляются в дом отца героини, где она разоблачает попа. Как видим, этот текст далек от сказки А. С. Пушкина.

* * *

Большинство записей рассматриваемого сюжетного типа, сделанных в Карелии, относятся ко второй половине XX в. И мы вправе ожидать от них большей близости к сюжетной схеме пушкинской сказки из-за активного влияния литературного текста, радиопостановок и мультфильма, который был необычайно популярен в это время³. Действительно, многие тексты представляют собой пересказы сюжета сказки Пушкина или братьев Grimm, которая повлияла на пушкинский текст. Так, из четырех текстов, записанных в Карельском Поморье, три являются более или менее полными пересказами сказки Пушкина, а четвертый — схематическим пересказом сказки Пушкина с добавлениями из сказки братьев Grimm. Четыре пудожских и два заонежских текста также являются пересказами. Один из текстов, записанных в Заонежье, является пересказом сказки братьев Grimm, в котором сохраняется даже имя героини — Белоснежка⁴. Один из пудожских текстов представляет собой контаминацию сюжетных типов 706 и 709⁵. Отметим также, что помимо полных или схематических пересказов в карельских материалах много повторных записей. Так, среди пудожских текстов есть повторные за-

³ Такое основание дает нам материал, представленный в статье В. Я. Евсеева, посвященной карельским вариантам таких пушкинских сказок, как «Сказка о рыбаке и рыбке» и «Сказка о царе Салтане...». В ней автор доказал, что именно в русских сказках, записанных в Карелии, отмечается воздействие «текстов пушкинских сказок на фольклор» [Евсеев, с. 88].

⁴ НА КарНЦ РАН, кол. 80, ед. хр. 55 (далее при ссылках на данный архив даются только номера коллекций и единиц хранения).

⁵ Кол. 6, ед. хр. 108.

писи сказок сюжетного типа 709, сделанные от Марфы Николаевны Васюновой⁶, от Марии Петровны Васюновой⁷, от Евдокии Марковны Левиной⁸. Повторные записи имеются и в заонежских текстах. Так, от Анны Ивановны Палтусовой было сделано четыре записи сказки сюжетного типа 709⁹.

Можно предположить, что и полноценные записи сказок этого сюжетного типа должны быть близки к пушкинской версии. Однако это не так.

Записанная от А. И. Палтусовой в 1982 г. в Заонежье сказка интересующего нас сюжетного типа далека от литературного источника [Сказки Заонежья, № 58]. Родителями девушки являются крестьяне, мачеха не отдает приказа ее убить, а просто выгоняет ее из дома, попадает она в дом девяти молодцев, где живет на правах сестрицы. Мачеха решает убить падчерицу с помощью старухи-нищенки. Трижды та приносит девушке заколдованные вещи, два раза молодцам удается спасти девушку, сняв с нее умертвляющие вещи (платочек и сорочку). Здесь появляются стеклянный гроб, «чтоб видеть ее», и жадный до золота царевич, который привозит гроб к себе домой и решает: «сниму все золото и мертвое тело выброшу». Сняв волшебное кольцо, он оживляет девушку. Данный текст сильно редуцирован, у него скомканная концовка, но даже в этом виде его нельзя считать прозаическим пересказом сказки Пушкина.

Далек от сказки Пушкина и один из водлозерских текстов [Сказки Водлозерья, № 67]. Здесь нет ни зеркала, ни яблока. Есть старушка-отравительница, но ее действия никак не мотивированы мачехой героини. Видимо, у старушки дурная репутация, так как братья предупреждают Машеньку, чтобы она ее не пускала: «Машенька, ты у нас живешь, тут бабка рядом, ты ее не пускай, она будет к тебе даваться, а ты не пускай». Братья в первый раз спасают героиню, но во второй не замечают кольца и не могут оживить девушку. В этом тексте есть хрустальный гроб, есть Иван-царевич, который случайно попадает в часовенку, где стоит гроб, и снимает кольцо с пальца красавицы, после чего женится на ней.

Зато очень талантливым пересказом пушкинской сказки нужно считать еще один из текстов, опубликованный в сборнике «Сказки Водлозерья». Он был записан в 1977 г. от Е. И. Лодзяновой [Сказки Водлозерья, № 12]. Тут есть и мачеха, приказывающая убить падчерицу, и волшебное зеркало, ведущее с мачехой диалог, и хрустальный гроб, и семь братьев-разбойников, и даже собака, которая пытается защитить героиню. Но главное — есть за-

⁶ Кол. 85, ед. хр. 84; кол. 93, ед. хр. 186.

⁷ Кол. 93, ед. хр. 201; кол. 102, ед. хр. 16 и 55.

⁸ Кол. 133, ед. хр. 99; кол. 73, ед. хр. 43.

⁹ Кол. 142, ед. хр. 165; кол. 148, ед. хр. 2; кол. 147, ед. хр. 12; кол. 162, ед. хр. 6.

колдованное яблочко. Нельзя не заметить таких совпадений с пушкинским текстом, как съедание собакой яблока («Эта собакахватила яблочко, съела, и собака померла»), имени царевича Елисей, а также его разговоров с месяцем, солнцем и ветром. Наконец, есть в этом тексте и поцелуй, который «розживил» героиню. Именно эта деталь указывает, что на данный текст оказала влияние не только сказка А. С. Пушкина, но и европейская версия данного сюжета, известная в России преимущественно по сборнику сказок братьев Grimm. Безусловно, данная сказка является пересказом пушкинского текста.

Из приведенных примеров видно, что только в том случае, когда мы имеем дело с пересказом сказки Пушкина, сюжетная канва совпадает с литературной основой. Во всех остальных вариантах мы можем говорить о совпадении на уровне предметного мира и общей сюжетной схемы, но никак не о влиянии литературного источника на фольклорный текст.

Таким образом, мнение о том, что пушкинская сказка оказала существенное влияние на русскую сказочную традицию, нужно признать ошибочным¹⁰.

---

¹⁰ Однако если пушкинский текст существенно отличается от народных версий, то возникает вопрос: что же именно стало основой сказки о мертвой царевне и семи богатырях? Сам ли поэт придумал историю с зеркалом, отравленным яблочком, прекрасным царевичем, ищущим свою невесту, и мачехой-колдуньей или имелся какой-то источник, повлиявший на формирование пушкинского текста? Имеющийся в нашем распоряжении материал свидетельствует, что пушкинский текст представляет собой русифицированный вариант сказки о Белоснежке из сборника братьев Grimm [Grimm, s. 344–359]. Действительно, если сравнить тексты братьев Grimm и Пушкина, то находится существенно больше общих деталей, чем между русскими вариантами и пушкинской сказкой. У братьев Grimm рассказывается, почему Белоснежка имеет такое имя и такой облик, и у Пушкина есть такое же объяснение, а в русских сказках его нет. Ср.: «Была однажды зима, с неба падал снег, и королева сидела у окна из черного дерева... она нечаянно уколола палец иголкой, и на снег упали три капельки крови... ах, был бы у меня ребенок, белый как этот снег, краснощекий, как эта красная кровь, и черноглазый, как эта оконная рама». В другом варианте королева поехала с мужем на охотничьих санях и, чистя яблоко, поранила себе палец, и капли крови упали на снег. У Пушкина о причинах необыкновенной красоты девушки сообщается: «И не диво что бела: / Мать брюхатая сидела / Да на снег лишь и глядела!» Новости о героине мачеха узнает от зеркала. Правда, в одном из вариантов у братьев Grimm Зеркало — это имя собаки, а у Пушкина это чудесный предмет, способный отвечать на вопросы. Героиню травят яблоком. У братьев Grimm королева одевается крестьянкой и берет яблоко, «которое было наполовину отравленным», а у Пушкина царица передает его с нищенкой-черницей, которая приходит в дом богатырей и одаривает девушку яблочком. Умершую девушку гномы кладут «в стеклянный гроб, в котором она полностью сохранила свой прежний облик; написали на гробе ее имя и откуда и кто она родом, и денно и ночью прилежно несли караул у гроба». У Пушкина гроб хрустальный, и находится он в пещере: «Вот они во гроб хрустальный / Труп царевны молодой / Положили — и толпой / Понесли в пустую гору / И в полуночную пору / Гроб ее к шести столбам / На цепях чугунных там / Осторожно привинтили / И решеткой огради-

Нельзя согласиться с М. К. Азадовским, который писал, что анализ доступных ему сказочных текстов «представляет большие трудности, так как почти все записи являются позднейшими редакциями, а стало быть, очень многие из них могли уже отразить не только какую-то фольклорную традицию, но и непосредственное влияние пушкинской сказки» [Азадовский, 1938b, с. 69]. Как видно из рассмотренных примеров, записи даже последних лет не испытывают серьезного влияния пушкинского текста, за исключением тех случаев, когда мы имеем дело с пересказами конкретной литературной сказки, а возможно, и мультипликационной версии.

Пушкинский текст, несмотря на его широкую известность, до середины 50-х гг. XX в. не оказывал существенного влияния на фольклорную традицию. Однако после выхода в 1951 г. мультфильма И. Иванова-Вано, и особенно в 1970-х гг., когда его начали часто показывать по телевизору, влияние литературной сказки на фольклорную традицию стало заметным. В записях появились прозаические пересказы, а иногда и стихотворные цитирования текста Пушкина. И в сказках Карелии это видно особенно ярко в силу собирательской стратегии петрозаводской школы сказковедения, представители которой фиксировали пересказы литературных произведений, что было не принято у представителей других школ. Именно этим можно объяснить, во-первых, число зафиксированных текстов интересующего нас сюжета,

---

ли». У Пушкина, безусловно, происходит русификация образов. Героиня попадает не к гномам, а к богатырям, в терем, а не в маленький домик. У братьев Гримм героиню спасает европейская наука: «...в свите были при нем очень опытные врачи, они выпросили тело покойной у гномов, взяли его и подвесили на канатах по четырем углам комнаты, и Белоснежка вновь ожила». У Пушкина оживлению способствует сила чувств героя: «И о гроб невесты милой, / Он ударился всей силой. / Гроб разбился. Дева вдруг / Ожила. Глядит вокруг / Изумленными глазами; / И, качаясь над цепями, / Привздохнув, произнесла: / „Как же долго я спала!“» У Пушкина появляются девка Чернавка и пес Соколко, который пытается предотвратить трагедию. Аналогичных персонажей в сказке братьев Гримм нет, как нет в ней и королевича Елисея, который ищет свою невесту. В вариантах сказок братьев Гримм царевич или даже отец героини случайно находят гроб с девушкой. У Пушкина же королевич Елисей является женихом царевны, после ее исчезновения он отправляется на поиски любимой и с помощью природных стихий, прежде всего ветра, находит хрустальный гроб с мертвой царевной. Вряд ли Пушкин знал сборник сказок братьев Гримм по первому изданию 1812 г. [Grimm], но он, скорее всего, был знаком с французским переводом, который был в его библиотеке [Vieux contes]. Сопоставление русских вариантов сказки сюжетного типа 709 с пушкинским текстом и вариантами из сборника сказок братьев Гримм свидетельствует о том, что «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях» в значительной степени представляет собой русифицированный вариант сказки братьев Гримм. Русский же вариант, опубликованный в сборнике «Старая погудка на новый лад», который был, скорее всего, известен Пушкину, и текст, который он услышал от неизвестного исполнителя и законспектировал, не оказали на литературный текст существенного влияния.

а во-вторых, множество зафиксированных и включенных в архивные коллекции пересказов известного литературного произведения.

Однако влияние литературного текста на фольклорную сказку не во всех случаях прямое. Зачастую в поздних текстах появляются детали, свойственные мультфильму, но отсутствующие в литературном оригинале. Так, например, у Пушкина отравленное яблоко приносит старуха-черничка, а в мультфильме — сама переодетая царица, в мультфильме героиня просыпается от поцелуя, а в оригинале Елисей разбивает гроб. Эти детали говорят о том, что авторы сценария И. Иванов-Вано и Ю. Олеша были хорошо знакомы и с адаптированными версиями сказки братьев Grimm, и с мультфильмом 1937 г., снятым на киностудии «Disney», где есть королева, которая с помощью колдовства изменяет свой облик и приносит отравленное яблоко Белоснежке, и «первый поцелуй любви», который снимает заклятие. Эти детали позволяют говорить о влиянии на фольклорный текст именно мультфильма, а не оригинального текста Пушкина.

В то же время нельзя не отметить, что данный сюжет в значительной степени стимулировал сказочников на импровизацию в рамках традиции. Именно этим можно объяснить существование устойчивых контаминаций сюжетных типов 709 и 883, а также создание на основе сюжета о мертвой царевне развернутых авантюрных повествований.

Литература

- Азадовский, 1938a — *Азадовский М. К.* Сказки Арины Родионовны // Литература и фольклор: Очерки и этюды. Л.: Художественная литература, 1938. С. 273–292.
- Азадовский, 1938b — *Азадовский М. К.* Источники «Сказок» Пушкина // Там же. С. 65–105.
- Андреев — *Андреев Н. П.* Произведения Пушкина в фольклоре // Литературный критик. 1937. № 1. С. 151–168.
- Афанасьев — Русские народные сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. / Изд. подгот. Л. Г. Бараг, Н. В. Новиков. М.: Наука, 1985. Т. 2. 464 с.
- Бабалык — *Бабалык М. Г.* Былины и сказки Обонежья в записях Н. Н. Барт: исследование и тексты. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2019. 106 с.
- Бадестова, Попова — *Бадестова А. В., Попова Н. О.* Культурологический анализ персонажей немецкой волшебной сказки «Белоснежка» и «Сказки о мертвой царевне и о семи богатырях» А. С. Пушкина // Вестник Якутского государственного университета. 2007. Т. 4, № 3. С. 72–76.
- Бер-Глинка — *Бер-Глинка А. И.* К типологии восточнославянских сказок о змеях № 672 и 673 по системе Аарне — Томпсона // Этнографическое обозрение. 2014. № 1. С. 125–139.
- Волков — *Волков А. Р.* «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях» А. С. Пушкина и сказка А. Ю. Глинского // Вопросы новой русской литературы:

- Уч. зап. Черновицкого гос. ун-та. 1960. Т. 39. Сер. Филол. науки. Вып. 10. С. 120–128.
- Добровольская, 2015a — *Добровольская В. Е.* Сказка «Про раков» из сборника Д. К. Зеленина «Великорусские сказки Вятской губернии» в контексте русских сказок СУС 425М // Вятский родник / Отв. ред. В. А. Поздеев. Киров: КОДНТ, 2015. С. 26–31.
- Добровольская, 2015b — *Добровольская В. Е.* История фиксации сказки «Жена ужа» (425М) у русских // Традиционная культура. 2015. № 4. С. 133–142.
- Добровольская, 2016a — *Добровольская В. Е.* Поволжские варианты сказки «Жена ужа» (СУС 425М) // Традиционная культура народов Поволжья: В 2 ч. / Сост. Г. К. Мансурова. Казань: Ихлас, 2016. Ч. 1: (А–К). С. 217–225.
- Добровольская, 2016b — *Добровольская В. Е.* Воронежские варианты сказки «Жена ужа» (СУС 425М) в контексте русской сказочной традиции // Народная культура и проблемы ее изучения / Под ред. Т. Ф. Пуховой. Воронеж: ВГУ, 2016. С. 3–14.
- Добровольская, 2017a — *Добровольская В. Е.* Тверские сказки об ужовой невесте (СУС 425М) в контексте общерусской сказочной традиции // Фольклор Большой Волги / Сост. В. Е. Добровольская, А. Б. Ипполитова. М.: Роскультпроект, 2017. С. 202–220.
- Добровольская, 2017b — *Добровольская В. Е.* В дополнение к указателю сказочных сюжетов: новые записи сказки «Жена ужа» (СУС 425М) // Живая старина. 2017. № 1. С. 4–7.
- Добровольская, 2017c — *Добровольская В. Е.* Сюжет «Амур и Психея» (СУС 425А) в русской сказочной традиции // Традиционная культура. 2017. № 3. С. 139–150.
- Добровольская, 2018a — *Добровольская В. Е.* Мнимая и реальная инвалидность в русской волшебной сказке в контексте фольклорной традиции // Этнографическое обозрение. 2018. № 1. С. 12–27.
- Добровольская, 2018b — *Добровольская В. Е.* «Ореховая веточка»: редакция сюжетного типа СУС 425С «Аленький цветочек» (Сказка староверов Литвы в контексте русской сказочной традиции) // Современные методы и подходы в изучении традиционной народной культуры: К юбилею Ю. А. Новикова / Отв. ред. М. Н. Власова, Т. С. Канева. СПб.: Свое издательство, 2018. С. 226–238. (Из истории русской фольклористики; Вып. 10).
- Добровольская, 2019 — *Добровольская В. Е.* Сюжет АТУ 510В «Peau d'Âne» / СУС 510В «Свиной чехол» в русской сказочной традиции // Традиционная культура. 2019. № 1. С. 20–30.
- Дударева — *Дударева М. А.* Функция мотива «чудесного зачатия / рождения» в «Сказке о мертвой царевне и о семи богатырях» А. С. Пушкина // Ученые записки Худжандского гос. ун-та им. акад. Б. Гафурова. Сер. гуманитар.-обществ. наук. 2017. № 1 (50). С. 67–72.
- Евсеев — *Евсеев В. Я.* Карельские варианты пушкинских сказок // Известия Карело-Финского филиала Академии наук СССР. Петрозаводск, 1949. № 3. С. 75–88.
- Запорожец — *Запорожец В. В.* Муж-уж (кубанский вариант сказки) // Живая старина. 2017. № 1. С. 8.
- Зеленин, Вятка — Великорусские сказки Вятской губернии: Сборник Д. К. Зеленина Иваново: «Роща», 2015. 624 с. (Полное собрание русских сказок: Предреволюционные собрания; Т. 7).

- Зеленин, Пермь — Великорусские сказки Пермской губернии: Сборник Д. К. Зеленина / Сост., подгот. текста, послесл. и коммент. Т. Г. Берегулёвой-Дмитриевой. М.: Правда, 1991. 549 с. (Сокровищница отечественного собирательства).
- Зуева, 1989 — Зуева Т. В. Сказки А. С. Пушкина. М.: Просвещение, 1989. 346 с.
- Зуева, 1999 — Зуева Т. В. Фольклорные и литературные особенности сказок А. С. Пушкина // Русская речь. 1999. № 3. С. 112–122.
- Иванова — Иванова Т. Г. Еще раз о пушкинских записях народных сказок // Культура и история: актуальные проблемы теории и истории культуры. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 110–123.
- Кавказ — Сказки, записанные в станице Слепцовской П. Семеновым // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис: Тип. канцелярии градоначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1893. Вып. 15. Отд. II. С. 1–146.
- Каяниди — Каяниди Л. Г. Сказка типа 425М «Жена ужа» из Смоленской и Брестской областей // Живая старина. 2019. № 2. С. 34–37.
- Колесницкая — Колесницкая И. М. Сказки // Пушкин: Итоги и проблемы изучения: Коллективная монография / Под ред. Б. П. Городецкого, Н. В. Измаилова, Б. С. Мейлаха. М.; Л.: Наука, 1966. С. 437–444.
- Курышева — Курышева Л. А. Еще раз о Пушкинской записи народной сказки о мертвой царевне // Studia Litterarum. 2018. Т. 3, № 4. С. 140–151.
- Лызлова, 2013 — Лызлова А. С. К проблеме взаимоотношений русской устной фольклорной традиции и лубочной литературы: сказки о животных-зятях // IDIL: Journal of Art and Language. 2013. Т. 2, № 7. С. 215–225.
- Лызлова, 2017 — Лызлова А. С. «Сказка о Светлане Прекрасной» из репертуара И. Ф. Ковалева (д. Шадрино Нижегородской области) в контексте общерусской сказочной традиции // Фольклор Большой Волги / Сост. В. Е. Добровольская, А. Б. Ипполитова. М.: Роскультпроект, 2017. С. 189–201.
- Миллер — Миллер В. [Ф]. Пушкин как поэт-этнограф. М.: Т-во скоропечатни А. А. Левенсон, 1899. 63 с.
- Модзалевский — Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина (Библиографическое описание). СПб., 1910. 442 с. (Пушкин и его современники: Материалы и исследования; Вып. 9–10. Отд. отд.); То же: [репринт. изд.] М.: Книга, 1988.
- Новиков — Новиков Н. В. Русская сказка в ранних записях и публикациях // Русские сказки в ранних записях и публикациях. Л.: Наука, 1971. С. 3–39.
- Ончуков — Северные сказки: Сборник Н. Е. Ончукова: В 2 кн. СПб.: Тропа Троянова, 1998. Кн. 1. 348 с. (Полное собрание русских сказок: Предреволюционные собрания; Т. 1).
- Пелисов — Пелисов Г. А. О фольклорных основах сказок А. С. Пушкина // Советская этнография. 1950. № 4. С. 92–106.
- Пушкин — Пушкин А. С. Сказка о мертвой царевне и семи богатырях // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Л.: Наука, 1977. Т. 3. С. 344–358.
- Розов — Розов А. Н. Арина Родионовна глазами фольклориста // «Здесь адресов родных для сердца приближень»: Сб. ст. по итогам науч.-практ. чтений. СПб.: Летопись, 2009. С. 30–36.
- Русские народные сказки Пудожского края — Русские народные сказки Пудожского края / Сост. А. П. Разумова, Т. И. Сенькина. Петрозаводск: Карелия, 1982. 366 с.

- Русские сказки и песни в Сибири — Русские сказки и песни в Сибири: Записки Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества по этнографии / Вступ. ст. и коммент. Е. А. Костюхина (Полное собрание русских сказок: Предреволюционные собрания; Т. 3). СПб.: Тропа Троянова, 2000. 608 с.
- Русские сказки Карельского Поморья — Русские народные сказки Карельского Поморья / Сост., вступ. ст. А. П. Разумова, Т. И. Сенькина. Петрозаводск: Карелия, 1974. 423 с.
- Садовников — Сказки и предания Самарского края: собраны и записаны Д. Н. Садовниковым / Вступ. ст., указатели и коммент. Е. А. Костюхина; подгот. текстов, сост. словаря Л. Г. Беликовой. СПб.: Тропа Троянова, 2003. 447 с. (Полное собрание русских сказок: Предреволюционные собрания; Т. 10).
- Сказки Водлозерья — Сказки Водлозерья / Сост. А. С. Лызлова. Петрозаводск: BAREA, 2013. 432 с.
- Сказки Заонежья — Сказки Заонежья / Сост. Н. Ф. Онегина. Петрозаводск: Карелия, 1986. 296 с.
- Соколов — *Соколов Ю. М.* Пушкин и народное творчество // Литературный критик. 1937. № 1. С. 121–150.
- Соколова — *Соколова В. К.* Пушкин и народное творчество // Советская этнография. 1949. № 3. С. 3–11.
- Соколовы — Сказки и песни Белозерского края: Сборник Ю. и Б. Соколовых / Вступ. ст., указатели и коммент. Е. А. Костюхина; подгот. текстов, сост. словаря Л. Г. Беликовой. СПб.: Тропа Троянова, 1999. Кн. 1. 800 с. (Полное собрание русских сказок: Предреволюционные собрания; Т. 2).
- Сравнительный указатель сюжетов — Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л.: Наука, 1979. 440 с.
- Старая погудка — Старая погудка на новой лад, или Полное собрание древних простонародных сказок: Издана для любителей оных. М.: Тип. А. Решетникова, 1795. Ч. 2, кн. 6. 32 с.
- Фин — *Фин Л. А.* Фольклор в творчестве Пушкина // А. С. Пушкин, 1837–1937. Саратов: Саратов. обл. изд-во, 1937. С. 73–94.
- Худяков — *Худяков И. А.* Великорусские сказки. Великорусские загадки / Вступ. ст., указатели и коммент. Е. А. Костюхина; подгот. текстов, сост. словаря Л. Г. Беликовой. СПб.: Тропа Троянова, 2001. 479 с. (Полное собрание русских сказок: Ранние собрания; Т. 6).
- Чаплыгина — *Чаплыгина Ю. А.* Мифологический подтекст «Сказки о мертвой царевне и о семи богатырях» А. С. Пушкина: опыт школьного анализа // Известия Российского гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2013. № 161. С. 73–78.
- Чернышев — Сказки и легенды пушкинских мест: записи на местах, наблюдения и исследование В. И. Чернышева. СПб.: Наука, 2004. 342 с.
- Эленбергская рукопись — *Гримм Я., Гримм В.* Сказки: Эленбергская рукопись 1810 с комментариями. М.: Книга, 1988. 448 с.
- Grimm — *Grimm Brüder.* Kinder- und Hausmärchen. Ausgabe letzter Hand mit den Originalanmerkungen der Brüder Grimm. Berlin: in der Realschulbuchhandlung, 1812. Bd. 1. 748 S.

Uther — *Uther H.-J.* The Types of International Folktales: A Classification and Bibliography. Helsinki: Vammala, 2004. Part 2. 620 p. (Folklore Fellows Communications; No 285).

Vieux contes — *Vieux contes pour l'amusement des grands et des petits enfants.* Paris: A. Boulland, 1830. III, 244 p.

References

- Andreev, N. P. (1937). 'Proizvedeniya Pushkina v fol'klore', *Literaturnyj kritik*, 1, 151–168.
- Azadovskii, M. K. (1938). 'Istochniki "Skazok" Pushkina', in: *Literatura i fol'klor. Ocherki i etyudy*. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura, 65–105.
- Azadovskii, M. K. (1938). 'Skazki Ariny Rodionovny', in: *Literatura i fol'klor. Ocherki i etyudy*. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura, 273–292.
- Babalyk, M. G. (2019). *Byliny i skazki Obonezh'ya v zapisyakh N. N. Bart: issledovaniya i teksty*. Petrozavodsk: Izdatel'stvo Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta, 106 p.
- Badestova, A. V., Popova, N. O. (2007). 'Kulturologicheskii analiz personazhei nemetskoj volshebnoi skazki "Belosnezhka" i "Skazki o mertvoi tsarevne i o semi bogatryakh" A. S. Pushkina', in: *Vestnik Yakutskogo Gosudarstvennogo universiteta*. Vol. 4, No 3, 72–76.
- L. G. Barag, I. P. Berezovskii, K. P. Kabashnikov, N. V. Novikov, eds. (1979). *Sravnitel'nyi ukazatel' syuzhetov. Vostochnoslavjanskaya skazka*. Leningrad: Nauka, 440 p.
- L. G. Barag, N. V. Novikov, eds. (1985). *Russkie narodnye skazki A. N. Afanas'eva*, 3 Vols. Moscow: Nauka. Vol. 2, 464 p.
- Ber-Glinka, A. I. (2014). 'K tipologii vostochnoslavjanskikh skazok o zmeyakh № 672 i 673 po sisteme Aarne-Tompsona', *Ehtnograficheskoe obozrenie*, 1, 125–139.
- Chaplygina, Yu. A. (2013). 'Mifologicheskii podtekst "Skazki o mertvoi tsarevne i o semi bogatryakh" A. S. Pushkina: opyt shkol'nogo analiza', in: *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gertsena*. Vol. 161, 73–78.
- Dobrovol'skaya, V. E. (2015). 'Istoriya fiksatsii skazki "Zhena uzha" (425 M) u russkikh', *Traditsionnaya kul'tura*, 4, 133–142.
- Dobrovol'skaya, V. E. (2015). 'Skazka "Pro rakov" iz sbornika D. K. Zelenina "Velikorusskie skazki Vyatskoi gubernii" v kontekste russkikh skazok SUS-425M', in: V. A. Pozdeev, ed., *Vyatskii rodnik*. Kirov: Kirovskii oblastnoi dom narodnogo tvorchestva, 26–31.
- Dobrovol'skaya, V. E. (2016). 'Povolzhskie varianty skazki "Zhena uzha" (SUS 425 M)', in: G. K. Mansurova, ed., *Traditsionnaya kul'tura narodov Povolzh'ya*. Kazan': Ikhlis. Chast' 1 (A–K), 217–225.
- Dobrovol'skaya, V. E. (2016). 'Voronezhskie varianty skazki "Zhena uzha" (SUS 425 M) v kontekste russkoi skazochnoi traditsii', in: T. F. Pukhova, ed., *Narodnaya kul'tura i problemy ee izucheniya*. Voronezh: Voronezhskii gosudarstvennyi universitet, 3–14.
- Dobrovol'skaya, V. E. (2017). 'Syuzhet "Amur i Psikheya" (SUS 425A) v russkoi skazochnoi traditsii', *Traditsionnaya kul'tura*, 3, 139–150.
- Dobrovol'skaya, V. E. (2017). 'Tverskie skazki ob uzhoj neveste (SUS 425 M) v kontekste obshcherusskoi skazochnoi traditsii', in: V. E. Dobrovol'skaya, A. B. Ippolitova, eds., *Fol'klor Bol'shoi Volgi*. Moscow: Roskul'tproekt, 202–220.

- Dobrovol'skaya, V. E. (2017). 'V dopolnenie k ukazatelyu skazochnykh syuzhetov: novye zapisi skazki "Zhena uzha" (SUS 425M)', *Zhivaya starina*, 1, 4–7.
- Dobrovol'skaya, V. E. (2018). 'Mnimaya i real'naya invalidnost' v russkoi volshebnoi skazke v kontekste fol'klornoi traditsii', *Ehtnograficheskoe obozrenie*, 1, 12–27.
- Dobrovol'skaya, V. E. (2018). "'Orekhovaya vetochka": redaktsiya syuzhetnogo tipa SUS 425S "Alen'kii tsvetochek" (Skazka staroverov Litvy v kontekste russkoi skazochnoi traditsii)', in: M. N. Vlasova, T. S. Kaneva, eds., *Sovremennye metody i podkhody v izuchenii traditsionnoi narodnoi kul'tury: K yubileyu Yuriya Aleksandrovicha Novikova* (Iz istorii russkoi fol'kloristiki; Vol. 10). Sankt-Peterburg: Svoe izdatel'stvo, 226–238.
- Dobrovol'skaya, V. E. (2019). 'Syuzhet ATU 510B "Peau d'Âne" / SUS 510V "Svinoi chekhol" v russkoi skazochnoi traditsii', *Traditsionnaya kul'tura*, 1, 20–30.
- Dudareva, M. A. (2017). 'Funksiya motiva "chudesnogo zachatiya / rozhdeniya" v "Skazke o mertvoi tsarevne i o semi bogatryah" A. S. Pushkina', in: *Uchenye zapiski Hudzhandskogo Gosudarstvennogo universiteta imeni Akademika B. Gafurova. Seriya gumanitarno-obshchestvennykh nauk*. Vol. 1 (50), 67–72.
- Grimm, Ya., Grimm, V. (1988). *Skazki. Ehlenbergskaya rukopis' 1810 s kommentariyami*. Moscow: Kniga, 448 p.
- Grimm, Brüder (1812). *Kinder- und Hausmärchen. Ausgabe letzter Hand mit den Originalanmerkungen der Brüder Grimm*. Berlin: In der Realschulbuchhandlung. Bd. 1. 748 S.
- Evseev, V. Ya. (1949). 'Karel'skie varianty pushkinskikh skazok', *Izvestiya Karelo-Finskogo filiala Akademii nauk SSSR*. Petrozavodsk, 3, 75–88.
- Fin, L. A. (1937). 'Fol'klor v tvorchestve Pushkina', in: A. S. Pushkin. 1837–1937. Saratov: Saratovskoe oblastnoe knizhnoe izdatel'stvo, 73–94.
- Ivanova, T. G. (2004). 'Eshche raz o pushkinskikh zapisyakh narodnykh skazok', in: *Kul'tura i istoriya: aktual'nye problemy teorii i istorii kul'tury*. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 110–123.
- Kayanidi, L. G. (2019). 'Skazka tipa 425M "Zhena uzha" iz Smolenskoj i Brestskoi oblastej', *Zhivaya starina*, 2, 34–37.
- Kolesnitskaya, I. M. (1966). 'Skazki', in: B. P. Gorodecky, N. V. Izmailov, B. S. Meilakh, eds., *Pushkin: Itogi i problemy izucheniya: Kollektivnaya monografiya*. Moscow, Leningrad: Nauka, 437–444.
- E. A. Kostyukhin, ed. (2000). *Russkie skazki i pesni v Sibiri. Zapiski Krasnoyarskogo podotdela Vostochno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva po ehtnografii*. (Polnoe sobranie russkikh skazok. Predrevolyutsionnye sobraniya. Vol. 3). Sankt-Peterburg: Tropa Troyanova, 608 p.
- E. A. Kostyukhin, L. G. Belikova, eds. (1999). Sokolov, Yu., Sokolov, B. *Skazki i pesni Belozerskogo kraya*. (Polnoe sobranie russkikh skazok. Predrevolyutsionnye sobraniya. Vol. 2). Sankt-Peterburg: Tropa Troyanova. Vol. 1, 800 p.
- E. A. Kostyukhin, L. G. Belikova, eds. (2001). Khudyakov, I. A. *Velikorusskie skazki. Velikorusskie zagadki* (Polnoe sobranie russkikh skazok. Rannie sobraniya; Vol. 6). Sankt-Peterburg: Tropa Troyanova, 479 p.
- E. A. Kostyukhin, L. G. Belikova, eds. (2003). *Skazki i predaniya Samarskogo kraya: sobrany i zapisany D. N. Sadovnikovym* (Polnoe sobranie russkikh skazok. Predrevolyutsionnye sobraniya. Vol. 10). Sankt-Peterburg: Tropa Troyanova, 447 p.

- Kuryшева, L. A. (2018). 'Eshche raz o Pushkinskoi zapisi narodnoi skazki o mertvoi tsarevne', *Studia Litterarum*, Vol. 3, No 4, 140–151.
- Lyzlova, A. S. (2013). 'K probleme vzaimootnoshenii russkoi ustnoi fol'klornoj traditsii i lubochnoi literatury: skazki o zhivotnykh-zyat'yakh', *IDIL: Journal of Art and Language*, Vol. 2, No 7, 215–225.
- Lyzlova, A. S. (2017). "'Skazka o Svetlane Prekrasnoi" iz repertuara I. F. Kovaleva (derevnaya Shadrino Nizhegorodskoi oblasti) v kontekste obshcherusskoi skazochnoi traditsii', in: V. E. Dobrovolskaya, A. B. Ippolitova, eds., *Fol'klor Bol'shoi Volgi*. Moscow: Roskul'tproekt, 189–201.
- A. S. Lyzlova, ed. (2013). *Skazki Vodlozer'ya*. Petrozavodsk: BAREA, 432 p.
- Miller, V. F. (1899). *Pushkin kak poet-etnograf*. Moscow: Tovarishchestvo skoropechatni A. A. Levenson, 63 p.
- Modzalevskii, B. L. (1910). *Biblioteka A. S. Pushkina (Bibliograficheskoe opisanie)*. (Pushkin i ego sovremenniki: Materialy i issledovaniya. Vol. 9–10). Sankt-Peterburg, 442 p.
- Novikov, N. V. (1971). 'Russkaya skazka v rannikh zapisyakh i publikatsiyakh', in: *Russkie skazki v rannikh zapisyakh i publikatsiyakh*. Leningrad: Nauka, 3–39.
- Onchukov, N. E. (1998). *Severnnye skazki: 2 Vols. (Polnoe sobranie russkikh skazok. Predrevolyutsionnye sobraniya. Vol. 1)*. Sankt-Peterburg: Tropa Troyanova. Vol. 1, 348 p.
- N. F. Onegina, ed. (1986). *Skazki Zaonezh'ya*. Petrozavodsk: Kareliya, 296 p.
- Pelisov, G. A. (1950). 'O fol'klornykh osnovakh skazok A. S. Pushkina', *Sovetskaya etnografiya*, 4, 92–106.
- Pushkin, A. S. (1977). 'Skazka o mertvoi tsarevne i semi bogatryakh', in: Pushkin, A. S. *Polnoe sobranie sochinenii*, 10 Vols. Leningrad: Nauka. Vol. 3, 344–358.
- A. P. Razumova, T. I. Sen'kina, eds. (1974). *Russkie narodnye skazki Karel'skogo Pomor'ya*. Petrozavodsk: Kareliya, 423 p.
- A. P. Razumova, T. I. Sen'kina, eds. (1982). *Russkie narodnye skazki Pudozhskogo kraya*. Petrozavodsk: Kareliya, 366 p.
- Rozov, A. N. (2009). 'Arina Rodionovna glazami fol'klorista', in: "Zdes' adresov rodnykh dlya serdtsa priblizhen'e": *Sbornik statei po itogam nauchno-prakticheskikh chtenii*. Sankt-Peterburg: Letopis, 30–36.
- Skazki i legendy pushkinskikh mest: zapisi na mestakh, nablyudeniya i issledovaniya V. I. Chernysheva* (2004). Sankt-Peterburg: Nauka, 342 p.
- Skazki, zapisannye v staniitse Sleptovskoi P. Semenovym (1893), in: *Sbornik materialov dlya opisaniya mestnosti i plemen Kavkaza*. Tiflis: Tipografiya kantselyarii gradonachal'stvuyushchego grazhdanskoi chast'yu na Kavkaze. Vol. 15, Otdelenie II, 1–146.
- Sokolov, Yu. M. (1937). 'Pushkin i narodnoe tvorchestvo', *Literaturnyi kritik*, 1, 121–150.
- Sokolova, V. K. (1949). 'Pushkin i narodnoe tvorchestvo', *Sovetskaya etnografiya*, 3, 3–11.
- Staraya pogudka na novoi lad, ili Polnoe sobranie drevnikh prostonarodnykh skazok: Izdana dlya lyubitelei onykh* (1795). Moscow: Tipografiya A. Reshetnikova. Vol. 2, T. 6. 32 p.
- Uther, H.-J. (2004). *The types of international folktales. A classification and bibliography*. (Folklore Fellows Communications. No 285). Helsinki: Vammala. Part II, 620 p.
- Vieux contes pour l'amusement des grands et des petits enfants* (1830). Paris: A. Boulland, III, 244 p.

- Volkov, A. R. (1960). "Skazka o mertvoi tsarevne i o semi bogatyryakh" A. S. Pushkina i skazka A. Yu. Glinskogo, in: *Voprosy novoi russkoi literatury. Uchenye zapiski Chernovickogo universiteta*. Vol. 39. Seriya filologicheskie nauki. Vypusk 10, 120–128.
- Zaporozhets, V. V. (2017). 'Muzh-uzh (kubanskii variant skazki)', *Zhivaya starina*, 1, 8.
- Zelenin, D. K. (1991). *Velikorusskie skazki Permskoi gubernii*. (Sokrovishchnitsa otechestvennogo sobiratel'stva). Moscow: Pravda, 549 p.
- Zelenin, D. K. (2015) — *Velikorusskie skazki Vyatskoi gubernii*. (Polnoe sobranie russkikh skazok. Predrevolyutsionnye sobraniya. Vol. 7). Ivanovo: Roshcha, 624 p.
- Zueva, T. V. (1989). *Skazki A. S. Pushkina*. Moscow: Prosveshchenie, 346 p.
- Zueva, T. V. (1999). 'Fol'klornye i literaturnye osobennosti skazok A. S. Pushkina', *Russkaya rech'*, 3, 112–122.